

Василий Авсеенко

Петербургский день

Василий Григорьевич Авсеенко

Петербургский день (Петербургские очерки #3)

«Иванъ Александровичъ Воловановъ проснулся, какъ всегда, въ половине десятаго. Онъ потянулся, зевнулъ, провелъ пальцемъ по ресницамъ, и ткнулъ въ пуговку электрическаго звонка.

Явился лакей, съ длиннымъ люстриновымъ фартукомъ на заграничный манеръ, и сперва положилъ на столикъ подле кровати утреннюю почту, потомъ отогнулъ занавеси и поднялъ шторы. Мутный осенній светъ лениво, словно нехотя, вобрался въ комнату и поползъ по стенамъ, но никакъ не могъ добраться до угловъ, и оставилъ половину предметовъ въ потемкахъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Василий Григорьевич Авсеенко Петербургскій	
день0004
I0005
II0017
#40039

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Петербургский день**

Иванъ Александровичъ Воловановъ проснулся, какъ всегда, въ половинѣ десятаго. Онъ потянулся, зѣвнулъ, провелъ пальцемъ по рѣсницамъ, и ткнулъ въ пуговку электрическаго звонка.

Явился лакей, съ длиннымъ люстриновымъ фартукомъ на заграничный манеръ, и сперва положилъ на столикъ подлѣ кровати утреннюю почту, потомъ отогнулъ занавѣси и поднялъ шторы. Мутный осенній свѣтъ льниво, словно нехотя, вобрался въ комнату и поползъ по стѣнамъ, но никакъ не могъ добраться до угловъ, и оставилъ половину предметовъ въ потемкахъ.

– Какая погода? – спросилъ Иванъ Александровичъ.

– Погода ничего.

– Что ты врешь? Почему-же такъ темно?

– На улицѣ темно: время такое. Въ это время всегда темно.

– Еще, пожалуй, дождь идетъ?

– Идетъ. Мокро до чрезвычайности.

– Вотъ дуракъ! Какъ-же ты говоришь – ни-

чего?

– Какъ угодно-сь. Откуда теперъ быть по-
годѣ? Ни лѣто, ни зима. Обыкновенно – слизь.

– Ужасно ты глупъ, Матвѣй. Сколько граду-
совъ?

Матвѣй долго стоитъ у окна передъ термо-
метромъ, подымаетъ и опускаетъ толстыя
складки на лбу, моргаетъ и что-то считаетъ
шопотомъ.

– Ну?

– Три градуса холоду.

– Эге! Морозить! Вотъ славно.

– Никакъ нѣтъ-сь, морозу нѣтъ.

– Какъ нѣтъ? Ты-же сказалъ – три градуса
холоду.

– Градусникъ показываетъ. Только не мо-
розить, слизь.

– Такъ значитъ тепла три градуса.

Матвѣй усмѣхается, отчего огромные,
мрачные усы его подымаются кверху и быст-
ро опускаются.

– Ничего не тепло, помилуйте, – возража-
етъ онъ какъ нельзя проще.

Затѣмъ онъ беретъ съ туалетнаго столика
ручное зеркальце и молча держитъ его пе-

редъ бариномъ.

– Что тебѣ?

– Глядѣться будете.

Иванъ Александровичъ протягиваетъ руку и беретъ зеркальце.

«Глупъ этотъ Матвѣй до невозможности, но вотъ тѣмъ хорошъ, что всѣ мои привычки наизусть знаетъ», говоритъ про себя Иванъ Александровичъ, и начинаетъ осматривать себя въ зеркало. Это продолжается, впрочемъ, недолго. Онъ отдаетъ зеркало и протягиваетъ руку къ письмамъ. Преобладаютъ печатные циркуляры.

«Милостивый государь. Расширивъ свои обороты и занявъ новое помѣщеніе, соотвѣтствующее постоянно возрастающему числу нашихъ кліентовъ...» Подписано: Готлибъ Пипъ, монументный мастеръ.

«Милостив... государ... Пользуясь постояннымъ вашимъ вниманьемъ и вступивъ въ сношеніе съ лучшими заграничными домами...» Подписано: Джонъ Смитъ, специальность мельничные жернова.

«Милостивая государыня. Только что получивъ изъ лучшихъ парижскихъ домовъ гро-

мадный выборъ моделей осеннихъ жакетовъ, манто, конфекціонъ и пр.».

– Чортъ знаетъ что такое! Это должно быть вовсе не ко мнѣ! – восклицаетъ Иванъ Александровичъ, и осматриваетъ конвертъ. На немъ значится: Луизѣ Андреевнѣ Фрауэнмильхъ. – Вѣчно ты путаешь: пакетъ какой-то Луизѣ Андреевнѣ адресованъ, а ты мнѣ подаешь!

Матвѣй беретъ конвертъ, долго разсматриваетъ его, и ухмыляется.

– Это въ седьмомъ номерѣ. Изъ мамзелей будетъ.

– Что? Изъ какихъ мамзелей?

– Луиза Андреевна. Надъ нами живетъ.

– Хорошенькая?

– Какъ слѣдуетъ. Хряская только изъ себя очень.

– Дурацкія выраженія у тебя какія-то: хряская! Развѣ есть такое слово?

– Стало быть есть. Не я выдумалъ.

– Нѣмка какая-нибудь. Не люблю я нѣмокъ.

– Что въ нихъ, въ нѣмкахъ.

– Однако, ты зачѣмъ-же мнѣ чужія письма подаешь? Снеси къ ней, объяснись, скажи,

что баринъ извиняется.

– Швейцаръ перепуталъ, я ему отдамъ.
Какія еще извиненія.

Иванъ Александровичъ взялъ между тѣмъ другой конвертикъ, вскрылъ и вытащилъ розовый листокъ, исписанный плохимъ женскимъ почеркомъ. Привычный взглядъ его быстро, въ разбивку, пробѣжалъ по строчкамъ.

«Вы всегда были такой милый... не обращаюсь ни къ кому другому кромѣ васъ... маленькое денежное затрудненіе... рассчитываю, что вы выручите... жду сегодня-же...».

– Замѣчательно, какъ женщины не умѣютъ вести переписки; всегда у нихъ одно и то же... проворчалъ Иванъ Александровичъ, и бросивъ розовый листокъ на коверъ, потянулъ со столика газету.

Но онъ тотчасъ замѣтилъ, что это вовсе не его газета.

– Что за новости? Ты и газету мнѣ какую-то чужую подсунулъ? – крикнулъ онъ на слугу.

Тотъ посмотрѣлъ, пошевелилъ толстыми складками на лбу и пожалъ плечами.

– Опять швейцаръ перепуталъ. Удивитель-

но даже!

– А самъ-то ты чего глядѣль? Сейчасъ иди, перемѣни.

Матвѣй унесъ газету. Иванъ Александровичъ поднялся съ постели и занялся своимъ туалетомъ. Плескаясь и отфыркиваясь, онъ не безъ недоумѣнія замѣчалъ, что до обонянія его достигаетъ какой-то весьма пріятный, свѣжій запахъ. Совершенно какъ на дачѣ, когда въ открытое окно потянетъ вѣтеркомъ съ цвѣточныхъ клумбъ. «Навѣрное этотъ нелѣпый Матвѣй духи пролилъ», подумалъ Иванъ Александровичъ.

– Ты что это надѣлалъ? Отчего это духами пахнетъ? – обратился онъ къ слугѣ, какъ только тотъ возвратился съ газетой.

Матвѣй потянулъ носомъ и повелъ усами.

– Пукеть изъ себя пускаеть, – отвѣтилъ онъ.

– Что такое? Букеть? Какой букеть? – взволновался Иванъ Александровичъ.

– Хорошій пукеть. Вамъ прислали.

– Кто прислалъ? Когда?

– Давно прислали. Вы еще почивали.

– Болванъ! Отчего-же ты не сказалъ рань-

ше? Гдѣ онъ?

– Что-жъ говорить, когда вы лежали. Я въ кабинетѣ на каминѣ поставилъ.

– А каминъ топится?

– Давно ужъ топится.

– Вотъ осель! вѣдь цвѣты пропадутъ отъ топки.

– Где жъ имъ цѣлымъ быть.

– Нѣтъ, ты меня съ ума сведешь! просто-наль Иванъ Александровичъ, и бросился въ кабинетъ.

На потухающемъ каминѣ красовался великолепный букетъ изъ темныхъ и бѣлыхъ розъ. Но самые крупные лепестки уже совсѣмъ сморщились, и нѣкоторыя головки склонились внизъ.

– Болванъ! негодяй! неистовствовалъ Иванъ Александровичъ. – Такой букетъ, и сразу погубить!

Но Матвѣй, очевидно, не соглашался признать свою вину.

– Съ этими пукетами завсегда такъ, – твердилъ онъ. – Вѣдь они, мошенники, на проволоку ихъ сажаютъ. Вотъ ежели-бы съ горшкомъ...

– Кто принесъ? Отъ кого? – спросилъ Воловановъ.

– Швейцаръ принесъ.

– Да отъ кого? Кто прислалъ?

– Посыльный принесъ.

– Отъ кого, я тебя спрашиваю! – крикнулъ Иванъ Александровичъ такимъ дикимъ голосомъ, что Матвѣй даже оторопѣлъ.

– Отъ неизвѣстной личности, – пробормоталъ онъ сквозь усы.

Лицо Ивана Александровича начало понемногу проясняться. Онъ бережно перенесъ букетъ на письменный столъ, сѣлъ въ кресло, запахнулъ полы халата, и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя душистый запахъ. На губахъ его появилось нечто вродѣ улыбки.

– Ни записки, ни карточки, ничего не было? – спросилъ онъ.

– Откуда имъ быть! – отозвался, снова ободряясь, Матвѣй.

– Какъ ты по-дурацки отвѣчаешь, – снисходительно замѣтилъ Иванъ Александровичъ. – Чтожъ, посыльный такъ и сказалъ: не приказано, молъ, говорить, отъ кого прислано?

– Будетъ онъ, тоже, разговаривать!

Матвѣй удалился, и черезъ минуту подаль чай и филипповскій калачъ. Иванъ Александровичъ продолжалъ задумчиво улыбаться. Эта улыбка все расцвѣтала подъ его пушистыми усами, разливалась по всѣмъ чертамъ лица.

«Отъ кого бы, однако, этотъ букетъ? – думалъ онъ. – Чрезвычайно, чрезвычайно мило. Такого вниманія нельзя не оцѣнить. Но кто такая? Безъ сомнѣнія молоденькая, хорошенькая женщина; некрасивая не рѣшилась бы. Навѣрное препикантная особа. И какая таинственность... О, женщины умѣютъ. Она, очевидно, рассчитываетъ на мою проницательность. И она не ошибается. Я ее знаю, эту прелестную незнакомку. Знаю, знаю... (Улыбка Ивана Александровича сообщилась его глазамъ, и они приняли чрезвычайно плутовское выраженіе). Это Вѣра Михайловна, жена нашего директора. Она имѣетъ неприступный видъ, но насъ этимъ не проведешь. Нѣтъ, не проведешь! Ея мужъ – человѣкъ государственнаго ума, но онъ вдвое старше ея; и притомъ, у него уши и губы оттопыриваются. Она, она, больше некому».

Иванъ Александровичъ вскочилъ и прошелся нѣсколько разъ по кабинету, потомъ щелкнулъ пальцами.

— Я долженъ написать ей нѣсколько строкъ, поблагодарить ее, показать, что я понялъ. Написать тонко, умно, остроумно; это у меня выходитъ — рѣшилъ Иванъ Александровичъ, и присѣвъ снова къ столу, раскрылъ бюваръ.

Нѣсколько строчекъ потребовали, однако, добраго часа времени и почти цѣлой коробки бумаги. Наконецъ записка была сочинена. Воловановъ позвалъ Матвѣя и приказалъ сбѣгать за посылнымъ.

— Вотъ, любезный, снеси это по адресу. И если лакей или курьеръ спросятъ, отъ кого, скажи, что не приказано говорить. И даже вотъ что лучше всего: отдай письмецо горничной, чтобы барынь въ собственныя руки, — распорядился Воловановъ, отпуская посылнаго.

«Теперь какъ разъ мужъ уѣхалъ въ департаментъ, она одна, и... чудесно!» проговорилъ онъ вслухъ, снова щелкнувъ пальцами. — «Недурненькій завязывается романъ, весьма недурненькій».

Онъ сталъ глотать простывшій чай и прожевывать филипповскій калачъ, терпѣливо бѣгая въ то же время по развернутой газетѣ.

«Однако, что новаго? Не могу же я выѣхать изъ дому, не зная о чемъ и что говорить», — торопиль онъ самъ себя.

«Въ телеграммахъ ничего. Производствъ никакихъ. Покойниковъ много, но все какіе-то неизвѣстные. Передовая о пониженіи пошлины на антрацитъ; какое мнѣ дѣло до антрацита? Въ фельетонѣ, однако, что-то философское. Это хорошо: такіе фельетоны всегда даютъ, о чемъ говорить въ обществѣ. Новыя мысли бываютъ. Вотъ и тутъ, что-то о восточной цивилизаціи. Такъ, такъ, очень хорошо. Восточная цивилизація неизмѣримо выше европейской... очень хорошо. Она сберегаетъ народы, оставляя ихъ въ бездѣйствіи... отличная мысль! Объ этомъ даже съ дамами можно говорить».

— Матвѣй, одѣваться!

Матвѣй появился, но вмѣсто того, чтобъ принять на руки сброшенный бариномъ халатъ, ухватился за букетъ и понесъ его вонъ.

– Куда? Зачѣмъ? – крикнулъ Воловановъ.

– Отдать надо. Пятый разъ уже спрашиваютъ.

– Какъ отдать? кому отдать? кто спрашиваетъ?

– Седьмой номеръ. Луизѣ Андреевнѣ букетъ присланъ, мамзели...

– Что-о!? – заревѣлъ Воловановъ такимъ дикимъ голосомъ, что Матвѣй чуть не выпустилъ букетъ изъ рукъ. – Ты меня убить хочешь, зарѣзать? Вѣдь я директоршѣ записку послалъ...

Усы Матвѣя совсѣмъ повисли, глаза начали часто моргать.

– Воля ваша, Иванъ Александровичъ, я тутъ не причина. Швейцаръ перепуталъ. Вы бы хозяину пожаловались, – бормоталъ онъ.

Воловановъ въ невыразимомъ отчаяніи поднялъ надъ головой кулаки и потрясъ ими въ воздухъ.

Бронзовые часы на томъ самомъ каминѣ, гдѣ недавно стоялъ «пукетъ», причинившій такое непріятное разочарованіе Ивану Александровичу Волованову, пробили двѣнадцать. Иванъ Александровичъ схватился за голову.

– Боже мой, вотъ ужъ и день начинается! А я еще не успѣлъ даже одѣться... Когда же я въ должность поспѣю? – пробормоталъ онъ. – Удивительно, какъ петербургское утро всегда бываетъ наполнено разными пустяками; не успѣешь даже какъ слѣдуетъ собраться съ мыслями. – Матвѣй, одѣваться!

Матвѣй, нѣсколько оторопѣвшій отъ постигшихъ ихъ обоихъ неудачъ, принялся стягивать съ барина халатъ и прочія принадлежности утренняго туалета. Но едва только Иванъ Александровичъ приготовился просунуть голову въ воротъ крахмальной сорочки, какъ Матвѣй объявилъ своимъ сиповатымъ голосомъ:

– А тамъ прачка дожидается. Бѣлье принесла.

– Ну вотъ, есть мнѣ теперь время возиться съ прачками. Прими отъ нея, а за деньгами пусть потомъ зайдетъ, – отвѣтилъ Воловановъ. – А она какая изъ себя? не старая?

– Гдѣ-жъ старая? Прачки никогда старыя не бываютъ. Нешто старую пошлютъ по господамъ ходить.

– Молоденькая?

– Да вотъ извольте посмотрѣть, я ее сюда кликну.

– Осель, какъ же я могу въ такомъ видѣ съ ней разговаривать? И времени у меня теперь нѣтъ. Ты лучше объясни толкомъ, какъ она изъ себя? хорошенькая?

– Дѣвка хорошая. Видная такая изъ себя. Да вы извольте сами взглянуть.

– Ну, позови. Впередъ знаю, что рожа какаянибудь.

Матвѣй удалился, и черезъ минуту впихнулъ въ гостиную здоровеннѣйшую бабу, при взглядѣ на которую можно было тотчасъ убѣдиться, до какой степени прачешное ремесло способствуетъ тѣлесному развитію женщины. Всѣ формы ея отличались преувеличенною шаровидностью, даже губы и носъ

были какіе-то вздутые, и затвердѣлый, неискоренимый румянецъ заливалъ все лицо.

Иванъ Александровичъ успѣлъ снова накинуть халатъ и вышелъ изъ спальни съ улыбкой пріятнаго ожиданія. Но излишество пластической красоты, разлитое въ фигурѣ прачки, видимо нагнало на него оторопь, и улыбка его приняла какое-то вымученное выраженіе.

— А, такъ это вы и есть? Вы, то-есть, на меня стираете? — проговорилъ онъ безъ всякаго апломба.

— Да-съ, мы бѣльемъ занимаемся.

— Прекрасно, моя милая, прекрасно. У васъ и счета, есть?

— Какъ-же, есть. Ужъ будьте столь добры, позвольте получить, а то по этакой слякоти и ходить невозможно. Я и то вона какъ подо-лы-то свои захлюпала.

И для пущей убѣдительности, поѣтительница захватила рукой юбки и подняла ихъ на полъ-аршина отъ полу, при чемъ глазамъ Волованова предстали громадныя ноги, обутыя въ мужскіе сапоги, густо облѣпленные грязью. Иванъ Александровичъ

даже вздрогнулъ, до такой степени было оскорблено его эстетическое чувство.

– Заплати ей по счету! сію минуту! – прикрикнулъ онъ на слугу, спасаясь обратно въ спальню.

– Ну, иди, иди, натопчешь еще тутъ! – прикрикнулъ въ свою очередь и Матвѣй, понявшій неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное прачкой на барина. – Претъ тоже въ гостиную, въ сапожищахъ-то.

Въ передней раздался звонокъ. Матвѣй, выпроводивъ прачку, явился отпереть двери. Вошелъ бѣлокурый молодой человѣкъ, довольно франтовато одѣтый, съ узломъ, завернутымъ въ кусокъ чернаго коленкора.

– Портной, что-ли? – спросилъ Матвѣй.

– Портной. Метръ-тальеръ. Баринъ дома? – освѣдомился въ свою очередь вошедшій.

– Дома. Платье принесли? Обождите тутъ, сейчасъ доложу.

– Хорошо. Да вотъ что, почтеннѣйшій, скажите-ка мнѣ перво-наперво, баринъ вашъ говоритъ по французски?

– По французски? Для чего ему? Н-нѣтъ, по французски онъ, кажись, не говоритъ.

– Ну, тогда я буду замѣсто француза. Карашо. Доложите, почтеннѣйшій, что французъ-закройщикъ платье принесъ отъ портного Плевушина.

Иванъ Александровичъ пріятно удивился, узнавъ, что у его портного Плевушина закройщикъ-французъ, и снова вышелъ въ гостиную.

– Бонжуръ, мосье, – привѣтствовалъ его бѣлокурый молодой человекъ, оказавшійся, когда снялъ пальто, въ необычайно пестрой жакеткѣ и свѣтло-голубомъ галстукѣ. – Мосье парль франсе?

– Вуй, мерси... то-есть, если нужно, но предпочитаю говорить по-русски, – отвѣтилъ, нѣсколько смущаясь, Воловановъ. – Вѣдь вы, вѣроятно, говорите немножко по-русски?

– А, вуй, мосье, команъ-донкъ. Пожалуйста, будемъ говорить по русски. Вашъ пара готовъ. И очень удачный вышла пара. Мосье будетъ ошень довольный нашей работъ.

«Чортъ возьми, французъ на меня шиль, еще бы не быть довольнымъ», – подумалъ Иванъ Александровичъ.

– Скидайтъ, пожалуйста, вашъ калать, мы

чичась будимъ примѣрайтъ, — продолжалъ портной, расправляя и встряхивая пиджакъ, жилетъ и брюки.

Воловановъ сълъ и съ наслажденіемъ протянулъ ноги. Брюки въ мелкую полоску, съ туго заутюженной складкой, обхватили ихъ. Онъ всталъ, оправляясь, а портной быстро затянулъ сзади пряжку.

— Вотъ, мосье, вы имѣйтъ франсускій работъ. Регарде фасонъ. Сидитъ первый сортъ.

Воловановъ посмотрѣлся въ зеркало. Брюки сильно морщили, талія приходилась гораздо выше, чѣмъ слѣдовало, сзади торчало угломъ. Но такъ какъ это была французская работа, то онъ только помычалъ немножко носомъ, и предоставилъ надѣтъ на себя жилетъ и пиджакъ. Тутъ тоже какъ будто не все было благополучно, и Воловановъ даже спросилъ тономъ сомненія:

— Развѣ теперь такъ широко стали дѣлать?

На это портной только погладилъ его обѣими ладонями по спинѣ, и отвѣтилъ:

— Послѣдній фасонъ, мосье. Парискій фасонъ. Франсускій работъ. Мосье будетъ одеть лютче всѣхъ въ Петербургъ. Прошу пардонъ,

франсускій работъ сейчасъ видно.

— Я знаю, знаю... А вы, вѣроятно, недавно у Плевушина работаете? любопытствовалъ Воловановъ.

— Очень недавно. Козяйнъ меня выписывалъ изъ Парижъ, чтобъ дѣлать франсускій работъ. Русскій работъ не будетъ такъ сидѣть на мосье. Я въ Парижъ у первыхъ метръ-тальеръ работалъ. Вотъ счетъ, мосье.

Воловановъ взглянулъ и замѣтилъ, что платье поставлено на десять рублей дороже, чѣмъ онъ платилъ раньше.

— Почему же десять рублей накинули? Я считалъ, что по прежней цѣнѣ сдѣлаютъ, — выразилъ онъ неудовольствіе.

— Франсускій работъ, мосье, — пояснилъ портной. Франсускій работъ никакъ не можетъ на такой цѣна. Когда я буду открывать свой магазинъ, ви мнѣ два раза дороже платилъ.

Иванъ Александровичъ вынулъ деньги, отдалъ, и по уходѣ портнаго простоялъ нѣсколько минутъ въ задумчивости передъ зеркаломъ. Несомнѣнно, платье сидѣло скверно; но онъ пришелъ къ заключенію, что ка-

къ-никакъ, а французская работа все-таки сейчас видна.

– Виць-мундиръ прикажете подать? – спросилъ Матвѣй.

Но Волованову не хотѣлось разстаться съ новою парой. Онъ рѣшилъ, что можно иногда показаться въ канцеляріи и въ партикулярномъ видѣ, тѣмъ болѣе что сегодня онъ не чувствовалъ расположенія къ серьезнымъ занятіямъ, и предполагалъ посидѣть больше въ курительной комнатѣ.

По дорогѣ онъ заѣхалъ къ Доминику, выпилъ водки, закусилъ двумя парами пирожковъ и просмотрѣлъ новый номеръ «Стрекозы». Потомъ принялъ серьезный видъ и поѣхалъ въ должность.

Столоначальникъ взглянулъ на него косо, но съ любопытствомъ, относившимся къ новой парѣ. Иванъ Александровичъ это замѣтилъ, и нарочно повертѣлся передъ нимъ.

– Немножко опоздалъ, виноватъ; портной задержалъ, – объяснилъ онъ, хотя его объ этомъ не спрашивали. – Такой болтливый французъ попался, все твердить: пардонъ, пар-

донъ, а самъ не уходитъ.

— Вы нынче у француза стали одеваться? — брюзгливымъ тономъ любопытствовалъ столоначальникъ.

— Да, я теперь рѣшилъ все у французовъ шить; у нихъ отдѣлка лучше, — отвѣтилъ скромно Иванъ Александровичъ, и черезъ минуту проскользнулъ въ курительную комнату.

Тамъ уже набралось человѣкъ двадцать молодежи. Одни стояли группами и разговаривали; другіе, забравшись на громадные клеенчатые диваны, забавлялись тѣмъ, что расковыривали протертая въ обивкѣ дырки и вытягивали оттуда конскій волосъ и мочалу. Одинъ чиновникъ извлекалъ ногтями мелодическіе звуки изъ пружины, и такъ ловко, что выходилъ цѣлый мотивъ.

Волованова поздравили съ обновкой, пощупали рукава, заглянули на подкладку. Общее мнѣніе, впрочемъ, склонялось къ тому, что платье скверно сшито.

— Какъ вы мало, господа, понимаете толкъ въ этомъ, возразилъ Воловановъ. — Эту пару французскій закройщикъ дѣлалъ. Плевуш-

инъ изъ Парижа французъ выписаль.

— А этотъ французъ тамъ, вѣроятно, въ колбасной служилъ, — предположилъ одинъ изъ молодыхъ чиновниковъ.

— И научился гарнировать телячьи головы, — замѣтилъ другой.

— Или въ солдатской швальнѣ шилъ капоты для *riou-riou*, — вставилъ третій.

Иванъ Александровичъ фыркнулъ на это съ недовольнымъ видомъ, бросилъ окурокъ папироски, и ушелъ въ канцелярскую залу.

Смѣшная веселость молодыхъ чиновниковъ возросла съ его уходомъ.

— Господа, давайте, вышутимъ Волованова, — предложилъ тотъ, который обладалъ искусствомъ извлекать музыкальный мотивъ изъ диванныхъ пружинъ. — Я назначу ему свиданіе отъ неизвѣстной дамы, а мы пойдемъ смотрѣть, какъ онъ будетъ ходить взадъ и впередъ по панели.

Черезъ четверть часа сторожъ подошелъ къ Волованову и шепнулъ ему на ухо:

— Васъ посыльный спрашиваетъ, письмо лично передать долженъ.

Иванъ Александровичъ встрепенулся, вы-

шелъ въ пріемную, и черезъ минуту вернулся съ розовенькимъ пакетикомъ въ рукѣ. Держа его нарочно такъ, чтобы всѣ видѣли, онъ вскрылъ его, и прочелъ заблеставшими глазами:

«Приходите отъ 4 до 6 часовъ въ большую Морскую, буду ждать васъ около памятника. Незнакомка».

За полчаса до назначеннаго времени Воловановъ улизнулъ изъ канцеляріи и скорыми шагами пошелъ въ Морскую. На улицахъ уже блистали огни. Иванъ Александровичъ прошелъ прямо къ памятнику; оглядѣлся, постоялъ, и принялся медленно шагать поперекъ площади. Всѣмъ проходившимъ дамамъ онъ до неприличія заглядывалъ подъ шляпки, но ни одна не обратила на него вниманія.

Такъ прошелъ часъ. Ноги у Волованова начинали слегка ломить, онъ весь иззябъ. Въ пять часовъ его громко окликнули:

– Прогуливаетесь, Иванъ Александровичъ? Это былъ одинъ изъ молодыхъ чиновниковъ. Черезъ минуту прошелъ другой, и тѣми же словами окликнулъ его. Потомъ третій, четвертый, пятый, десятый – чуть не вся

канцелярія прошла мимо, и каждый по очереди произнесъ: — Прогуливаетесь, Иванъ Александровичъ?

Затѣмъ началось обратное шествіе. Первый чиновникъ, поровнявшись съ нимъ, сказалъ: — Поджидаете, Иванъ Александровичъ? — и разсмѣялся ему прямо въ лицо. Затѣмъ второй, третій, десятый, всѣ до конца, и каждый произносилъ съ отвратительнымъ, дребезжащимъ смѣхомъ:

— Поджидаете, Иванъ Александровичъ?

Воловановъ наконецъ побагровѣлъ отъ досады, кликнулъ извозчика, и поѣхалъ въ Малоярославецъ обѣдать.

«Удивительно, до чего бываетъ глупо наполненъ петербургскій день», — изумлялся онъ, меланхолически разбирая карту рублеваго обѣда.

III.

Иванъ Александровичъ Воловановъ, обѣдая въ общей залѣ «Малоярославца», успѣлъ уже скушать и супъ бискъ съ отзывавшимися подогрѣтымъ саломъ пирожками, и судака подѣ голландскимъ соусомъ, и ломтикъ телятины со шпинатомъ, когда вдругъ

надъ нимъ прогремѣль, съ жирнымъ хрипомъ, зычный окликъ: – Ваня! Да ты ли это? Вотъ Богъ посылаетъ! И въ ту же минуту двѣ могучія длани обняли его, и онъ почувствовалъ на самыхъ губахъ тройной, присвистывающей, мокрый поцѣлуй. Предъ нимъ стоялъ, упершись въ него животомъ, его дядя, родной дядя, Яковъ Порфирьевичъ Воловановъ, мужчина лѣтъ пятидесяти, высокій, толстый, съ смугло-сѣрымъ лицомъ, коротенькимъ носомъ, густыми усами и подстриженной до корня бородой, чуть чуть пробритой посрединѣ. Одѣтъ онъ былъ въ синій пиджачекъ широчайшаго покроя, съ отвислыми карманами. – Дяденька! какими судьбами? – отозвался Иванъ Александровичъ. – Давно ли въ Петербургѣ? На долго ли? – Какъ Богъ дастъ, голубчикъ, какъ Богъ дастъ, – отвѣтилъ дядя, и грузно опустился на стулъ, который словно присѣлъ на своихъ буковыхъ ножкахъ подъ его тучной тушей. – А пріѣхалъ я только сегодня. Ты что это, дрянъ какую-то объдаешь? Брось, сейчасъ брось. Эй, человекъ! Вотъ что, милый ты мой, – обратился онъ къ подбѣжавшему слугѣ, – покорми ты

насъ, пожалуйста, хорошенько, по-русски, знаешь? Дай ты намъ что-нибудь такое... этакое. Чтобы утроба возликовала. Я, милый ты мой, человекъ пріѣзжій, изъ медвѣжьяго угла пріѣхаль, такъ хочу утробушку свою потѣшить.— Уху стерляжью не прикажете-ли, съ растегаемъ? — тотчасъ предложилъ слуга.— Во, во, во! — одобрительно прогудѣль Воловановъ-старшій. — Да чтобы налимьей печенки тоже положили бы. А потомъ дай ты намъ что-нибудь такое... что-нибудь этакое...— Поросенка подъ хрѣномъ надо подать. Московскіе есть.— Во, во, во. Вижу, братецъ, что ты человекъ съ понятіемъ. А потомъ... потомъ... совсѣмъ что-нибудь этакое...— Утку можно зажарить, а не то каплунчика, — предложилъ слуга.— Утку, любезный, дашь намъ, уточку... да съ груздиками, да пожирнѣй. И бутылочку заморозь, знаешь какого-нибудь этакого, новѣйшей марки.Слуга отошелъ. Воловановъ-дядя грузно повернулся на подгибавшемся подъ нимъ стулѣ, и поставивъ локти на столъ, воззрился на племянника.— Ну, какъ же ты тутъ, въ Петербургѣ вашемъ? служишь? — спросилъ онъ.— Да, дядюшка, служу.

Только, по правдѣ сказать, невыгодная у насъ совсѣмъ служба: ходу никакого нѣтъ. И товарищи пренепріятный народъ: насмѣшники все какіе-то.— А ты къ намъ въ провинцію просись! Въ провинціи теперь хорошо служить, почетно. Чиновнику теперь всѣ кланяются. Обыватель смиренный сталъ, уважаетъ. Форсу-то этого нѣтъ больше. Прежде, бывало, становаго въ контору отошлешь, а теперь самъ на крыльцѣ встрѣчаешь: съ чѣмъ, молъ, пожаловали. Такъ-то.— Не хочется, дяденька, въ провинцію: привыкъ уже, знаете, къ развлеченіямъ. Театры тутъ, рестораны; образованность вездѣ замѣчается. — А вы какъ же сюда, по дѣламъ?— По дѣламъ, голубчикъ, по дѣламъ. Перво-на-перво, въ дворянскій банкъ.— Объ отсрочкѣ недоимочки?— Во, во. Петля на шеѣ, я тебѣ скажу.— Да, плохія времена для помѣщиковъ. А впрочемъ, сколько слышно, на дворянскій вопросъ обращено большое вниманіе. Какъ хотите, а вѣдь первое сословіе въ имперіи.— Ш-ш, ш-ш, миленькій, брось. Политику эту брось. Мы политикой не занимаемся. Какой тамъ вопросъ? Не наше дѣло. Мы, вотъ, пріѣхали, прошенъице подадимъ... а мо-

жетъ быть, что-нибудь и очистится.— Душевно желаю вамъ успѣха.— Спасибо, миленькій. А у меня, кромѣ того, и еще есть дѣло, большое, крупное дѣло. И вышло оно, надо тебѣ сказать, совершенно случайно. Артельщикъ научиль.— Какой артельщикъ?— А у меня въ деревнѣ мужикъ живетъ, Акимъ — тотъ самый, котораго графъ Толстой въ своей пьесѣ вывелъ. Такъ вотъ, у него младшій братъ у васъ въ Петербургѣ въ артельщикахъ состоитъ, въ банкѣ какомъ-то служить. Умный, шельма, мужикъ, министерская голова. Отъ него Акимъ и про банки все узналъ. Ну, приѣзжалъ онъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ деревню, въ побывку. Разговорился я съ нимъ разъ, другой — вижу, оборотливаго ума человекъ. Въ Ясную Поляну съ братомъ ходиль, только не понравился графу: газетчикъ, говорить, какой-то, а не народный человекъ. Зашла у насъ съ нимъ рѣчь и о хозяйствѣ. У меня, Ваня, ты знаешь, не родится ничего, хоть брось. Десятый годъ неурожаи идутъ. А артельщикъ — Маремьяномъ его зовутъ — и говорить: вамъ другаго средства нѣтъ, кромѣ какъ искусственное удобрение и паровые плуги. Понима-

ешь, куда хватилъ! У насъ и не слыхалъ никто, какіе такіе паровые плуги. Это точно, говорю, хорошо было-бы къ искусственному удобренію обратиться, да вѣдь какихъ денегъ надо для этого. У меня не клинь какойнибудь, а безъ малаго три тысячи десятинъ. А Маремьянъ мнѣ и говоритъ: пустое самое дѣло деньги достать, я это могу вамъ пальцемъ оборудовать.— Что-жъ онъ, украсть въ банкъ хочетъ, что-ли? — изумился Иванъ Александровичъ.— Нѣтъ, зачѣмъ украсть, — возразилъ дядюшка. — Онъ, я тебѣ скажу, почище штучку придумалъ. Я затѣмъ, собственно, и пріѣхалъ. Акціонерное общество мы учреждаемъ. Уставъ теперь разсматривается. Такъ и называется: «первое акціонерное общество эксплуатаціи искусственнаго удобренія». Каковашельма, а? словечко-то какое подпустилъ: эксплуатація.— Н-да, — задумчиво и нѣсколько завистливо протянулъ Иванъ Александровичъ. — Этакъ вы, скоро, при большихъ деньгахъ будете.— Никто какъ Богъ, голубчикъ Ваня; — можетъ быть, и будемъ.— Тогда и объ отсрочкѣ въ дворянскомъ банкѣ кланяться не станете.— Ну, нѣтъ, поче-

му-же? На милость отказа нѣтъ. А кланяться мы всегда готовы. Ласковый теленокъ, Ваня, двухъ матокъ сосеть. На столъ поставили посеребренную кастрюльку съ ухой. Воловановъ-старшій принялся ѣсть съ жадностью, причмокивая и присвистывая. — Кушай, Ваня, кушай побольше; это вѣдь наша родная ушица, не расупе какой-нибудь нѣмецкій. — А что, кстати — вдругъ неожиданно спросилъ онъ — нѣмочекъ этихъ разныхъ гдѣ-бы У васъ посмотрѣть? Пѣвичекъ, или плясуній какихъ-нибудь? Вѣдь я, милочка моя, изъ медвѣжьяго угла пріѣхалъ, мнѣ встряхнуться надо. Я, какъ ѣхалъ, именно даже на тебя и рассчитывалъ. Ты вѣдь всѣхъ тутъ, поди, знаешь? Э? Шельмецъ ты этакій петербургскій, сусликъ столичный! Лакей хлопнулъ пробкой и разлилъ въ стаканы. Воловановъ-дядя чокнулся съ племянникомъ и хлебнулъ одинъ разъ, но такъ, что на днѣ стакана только брызги отъ пѣны остались. — У насъ, душа моя, въ медвѣжьемъ углу-то нашемъ, женщины въ мужскихъ сапогахъ ходятъ, вотъ что я тебѣ скажу, — продолжалъ Яковъ Порфирьевичъ, подставляя свой опорожненный ста-

кань. — Развлеченій никакихъ. Въ уѣздномъ городѣ ярмарка бываетъ по осени, такъ прежде помѣщики съѣзжались, циркъ пріѣзжалъ, купцы изъ Москвы разный дворянскій товаръ привозили; можешь себѣ представить, я тамъ разъ даже подзорную трубу себѣ купилъ, чтобъ съ бельведера, въ усадьбѣ, виды обозрѣвать. А теперь, кромѣ жестянокъ съ сардинками, да бормановскаго шоколаду, ничего нѣтъ для нашего брата дворянина. Носовыхъ платковъ бѣлыхъ искалъ, такъ и тѣхъ нѣтъ, а все синіе, съ видомъ французской эскадры подъ Кронштадтомъ; хоть не сморкайся, право. Ну, и одичаешь. Вотъ, черезъ нашъ губернскій городъ проѣзжалъ лѣтомъ, тамъ въ саду Шато-де-Флеръ устроили, нѣмецъ силу показываетъ, вызываетъ на борьбу, и женскій хоръ поетъ. Только рожь всѣ на подборъ, и хозяйка имъ вмѣсто фартучковъ вышитыя полотенца повѣсила. Онѣ потомъ у нея за буфетомъ прислуживаютъ, и этими самыми полотенцами посуду перетираютъ.— И въ сапогахъ? — усмѣхнулся Иванъ Александровичъ.— Само-собой: хоръ-то венгерскимъ называется, а вен-

геркамъ непремѣнно полагаются сапоги. Такъ понимаешь, душа моя, какое я послѣ всего этого стремленіе чувствую... Эхъ, и завидоваль-же я тебѣ, Ваня, каналья этакая! Вотъ, думаю себѣ тухнешь тутъ среди мужичья, дворянскаго обличья своего лишаешься, а онъ, подлець этакій, по театрамъ да по ресторанамъ шляется, за актрисами да за пѣвчками волочится, разсупе всякія жретъ, которыя поваръ-французъ, каналья этакая, душистымъ перцемъ приправляетъ... Ну, Ваня, твое здоровье! Ужъ хочешь, не хочешь, а ты теперъ мой чичероне: всѣ злчныя мѣста долженъ мнѣ показать. Я тебя сегодня – ни-ни! Куда ты, туда и я. Пей, дрянъ ты этакая! И Воловановъ-старшій налилъ себѣ стаканъ, выхлебнулъ однимъ глоткомъ, налилъ еще, тоже выхлебнулъ, и потребовалъ новую бутылку. – Я, дяденька, никогда столько не пью, – протестовалъ Иванъ Александровичъ. – Да и вамъ не хорошо: ни въ какой театрѣ нельзя будетъ поѣхать. – Врешь, врешь, я свою мѣру знаю. Пей, когда налито, сусликъ ты петербургскій! – настаивалъ Воловановъ-старшій. – Какъ это такъ нельзя въ теат-

ры? развѣ пить воспрещается? Пить во всякомъ состояніи дозволено. Развѣ я не такъ говорю? Вѣдь мужикъ пьетъ? Ты мнѣ скажи: пьетъ мужикъ, или нѣтъ?— Бываетъ, что пьетъ, дяденька.— А если мужикъ пьетъ, то какъ же это можно, чтобъ нашъ братъ, дворянинъ, не могъ пить? И въ доказательство твердаго сознанія своихъ гражданскихъ правъ, Яковъ Порфирьевичъ опять налилъ стаканъ и выхлебнулъ.— Готовъ еще; морозъ, тверская морда! крикнулъ онъ слугѣ. Иванъ Александровичъ начиналъ смущаться. Дяденька, очевидно, легко пьянѣлъ. Возиться съ нимъ было непріятно. Но и уклониться невозможно: вѣдь пожалуй, въ самомъ дѣлѣ у человѣка большія деньги будутъ.— Если въ театръ хотите, такъ и пора уже, — сказалъ онъ.— Погоди, я время знаю. Вѣдь я, пойми ты, изъ медвѣжьяго угла пріѣхалъ, мнѣ встряхнуться надо, — возразилъ дядя. — У насъ наливка, ты почувствуй это; отъ наливки слеза прошибаетъ, грусть-тоска беретъ, а вотъ эта штучка веселитъ. Пузыришки-то эти видишь въ стаканѣ? Ты хлебнешь, а они все кверху, да кверху, да въ мозгу и играютъ. Эй, вы, хо-

луи! – крикнулъ онъ во все горло, вращая головой.– Полноте, дяденька, здѣсь никогда такъ къ прислугѣ не обращаются, – замѣтилъ Иванъ Александровичъ.

— Что? прислуга? А на какого чорта я буду съ ней стѣсняться? Что она — казенная, что ли? отъ начальства здѣсь поставлена? — Тащи еще двѣ бутылки, пока живъ!

Съ сосѣднихъ столиковъ стали обращать на нихъ вниманіе. Старшій буфетчикъ вышелъ изъ за стойки и медленно прошелъ мимо нихъ, оглядывая обоихъ подозрительно и недоброжелательно. Иванъ Александровичъ сидѣлъ какъ на иголкахъ.

— Право, дяденька, намъ пора въ театръ, — проговорилъ онъ. — Я васъ съ пѣвичками познакомлю; прехорошенькіе есть, честное слово.

— Ладно, не уйдутъ твои пѣвички. Мнѣ Маремьянъ обѣщаль всѣхъ ихъ какъ на ладони подать. Маремьянъ... ты знаешь, что такое Маремьянъ? Это во-какая силища. Онъ со мной въ долю вошелъ. «Первое общество эксплуатаціи искусственнаго удобренія»... слово-то какое ввернулъ! Артельщикъ, сѣрый человѣкъ, а вотъ дворянина на ноги поставить. А Акимъ, хоть и родной братъ, единоутробный, а дуракъ. Чортъ знаетъ чѣмъ, съ позволенія сказать, занимается. Эхъ, Ваня,

несправедливо судьба распоряжается. Вотъ и мы съ тобой, хоть и родня, кровная родня, а что у насъ общаго? Я большой человекъ, душа у меня безпредѣльная, а ты что такое? Сусликъ, куликъ болотный, дрянъ самая послѣдняя. Ты не обижайся, Ваня, я не въ укоръ тебѣ говорю. Въ тебѣ, Ваня, кровь есть, воловановская кровь. Воловановы еще гремѣть будутъ... погоди, дай срокъ!

Иванъ Александровичъ шепнулъ лакею, чтобы поскорѣе подалъ счетъ. Яковъ Порфирьевичъ положилъ обѣ руки на столъ и опустилъ на нихъ голову.

– Пойдемте, дяденька, я васъ домой отвезу, – сказалъ онъ. – Вы отдохнете, а завтра мы разомъ по всѣмъ театрамъ... Вы гдѣ остановились?

– Въ гостинницѣ...

– Въ какой?

– А чортъ ее знаетъ. Не помню.

– Куда же я васъ отвезу?

– А куда хочешь. Чего присталь? Гусь ты, я вижу.

Лакей подалъ счетъ. Воловановъ-старшій взялъ его обѣими руками, и читая,

разсмѣялся какимъ-то безсмысленнымъ смѣхомъ.

– Вотъ оно, Ваня, вотъ... счетъ-то... кхи-кхи...

– Дяденька, платить надо, – сказалъ Иванъ Александровичъ почти строго.

Но Яковъ Порфирьевичъ продолжалъ вертѣть счетъ трясущимися руками и вполголоса хихикать.

– Счетъ-то, Ваня, а? Она какъ расписали... Уточку, уточку-то малую, и ту припомнили. Кхи-кхи... Шуты они, Ваня. А у меня и денегъ никакихъ нѣтъ. Вонъ оно штука-то какая... Кха!

Иванъ Александровичъ поблѣднѣлъ; у него было съ собой рублей двадцать, и дома ничего. Буфетчикъ стоялъ подлѣ и пронизывалъ ихъ обоихъ взглядомъ скорпіона. Совѣршенно неизвѣстно, чѣмъ все это окончилось.